

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СМЫСЛОВ СОЦИАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ В РУССКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ (на примере творчества С.Н. Булгакова, П.И. Новгородцева, С.Л. Франка)

Наталья Юрьевна Матвеева
(pmatveyev@yandex.ru)

Российский университет транспорта (РУТ (МИИТ)), г. Москва, Россия

Цитирование: Матвеева Н.Ю. (2019) Основные принципы интерпретации смыслов социальных явлений в русской социологической традиции (на примере творчества С.Н. Булгакова, П.И. Новгородцева, С.Л. Франка). *Журнал социологии и социальной антропологии*, 22(3): 7–38. <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.3.1>

Аннотация. Анализируются основные принципы интерпретации смыслов социальных явлений, относящиеся к неокантианской и религиозно-философской традициям русской социологической мысли, развитой такими учеными, как С.Н. Булгаков, С.Л. Франк, П.И. Новгородцев. Выявлены как общие черты, так и различия в их подходах к социальному анализу с подходами классиков западной мысли — М. Вебера и Э. Дюркгейма. Согласно рассматриваемому направлению мысли, социальные явления имеют две стороны: сторону, в которой они проявляются в качестве реальных событий или процессов, и сторону внутренней идеи, смысла или значения. Смысл или идея выступает в качестве необходимого признака, вне которого социальное явление немислимо. При этом смысловая сторона социальных явлений выражает их социальную сущность, в то время как реально-фактическая сторона — лишь внешнее проявление этой сущности. Таким образом, рассматриваемая традиция исходит из предпосылки о том, что в основе социальной жизни лежат объективные идеи, независимые от индивидуальной психологии и воздействующие на волю и сознание людей в направлении их реализации в социальной жизни. Специфика социальных идей состоит в том, что они являются идеями-силами, выступающими в качестве идеалов и целей людей. В эту концепцию органически включена установка об активной роли индивида, осознанно стремящегося к реализации тех или иных идей. Из такой трактовки общественной жизни следуют определенные методологические принципы. Они основываются, с одной стороны, на необходимости понимания объективных идей, лежащих в основе социальных процессов, их соотношения, логических взаимосвязей между ними и логики развития. С другой стороны, они подразумевают выявление индивидуальных смыслов, концентрирующихся вокруг духовного центра индивидуальной активности, из которого проистекают важнейшие социальные поступки и убеж-

дения личности. Не подлежит сомнению то значение, которое имеют достижения представителей русской мысли для современной социологии, центральной темой дискуссий в которой выступают именно проблемы социальных смыслов, идей и ценностей, их роли в жизни общества и личности.

Ключевые слова: С.Л. Франк, С.Н. Булгаков, П.И. Новгородцев, смысл социального явления, ценность социальная, социальные законы, соборность.

Введение и постановка проблемы

Социальные процессы современности характеризуются уникальной комбинацией сосуществования и конфронтации различных социальных смыслов и идей. Если в традиционных обществах идеи и идеологические системы были в значительной степени частью культурной самоидентификации конкретных социальных слоев, групп или наций, то в современную постиндустриальную эпоху ситуация изменилась и продолжает меняться в сторону смысловой и ценностной неопределенности. Люди, принадлежащие к одним и тем же социальным общностям, вплоть до семьи, могут исповедовать абсолютно разные системы ценностей и изменять свои взгляды в зависимости от обстоятельств. Иными словами, смысловая и ценностная неопределенность является характерной чертой нашего времени, резко контрастирующей с определенностью ценностных систем обществ прошлого.

Однако эта неопределенность не является нейтральной. К сожалению, приходится констатировать, что ее последствия заключаются в распространении социальной напряженности, эмоциональности и взаимного непонимания. За примерами негативных социальных процессов, основанных на неопределенности смыслов, далеко ходить не надо — ими изобилует современная социально-политическая палитра. Напряженность взаимоотношений между государствами и политическими объединениями сопровождается усилением разногласий внутри них самих. Одновременно наблюдается недостаток целенаправленного стремления к справедливому разрешению противоречий путем нахождения основ для взаимного понимания, что, кстати говоря, должно быть основой демократического и свободного общества, последовательного в реализации своих основополагающих ценностей. Преодоление возникающих социальных проблем зависит от правильного понимания смыслов, лежащих в основе деятельности индивидов и групп. В этом отношении именно социология должна быть опорой социального управления и политики. Имеющая значительный багаж знаний в области изучения социальных смыслов, эта наука, однако, все еще нуждается в разработке теории и практики их исследования. Ряд

идей и подходов, возникших внутри российской социологической традиции, приобретают особую актуальность в этом отношении.

Так, потенциал для развития содержится в принципах понимания общества, раскрытых школами русского неокантианства и религиозной философии, чьи исследования оказали воздействие, в частности, на творчество П.А. Сорокина американского периода с его центральным понятием интегральных ценностей культуры (Сорокин 2006). Однако формирование единой исследовательской парадигмы на основе достижений этих направлений затрудняется тем, что они развивались на основе общих философских принципов и не сформировали единой теории. В частности, по этой причине выявление общих положений в творчестве сразу многих ученых — сложнейшая задача. В статье делается такая попытка применительно к творчеству Сергея Николаевича Булгакова, Семена Людвиговича Франка и Павла Ивановича Новгородцева. Продолжение ими традиций платонизма и неокантианства, социологическое преломление идей русской религиозной философии и основанный на этих традициях анализ явлений и процессов общественной жизни, привели, с нашей точки зрения, к выдающимся результатам, опередившим свое время. В целом идеи этих ученых можно отнести к особой, самостоятельной ветви интерпретирующего понимания социальных процессов с точки зрения ценностей и основанных на них явлений культуры.

Социологические концепции, являющиеся предметом статьи, были развиты русскими учеными, в полной мере осведомленными о передовых для того времени идеях западной социальной мысли. Так, С.Н. Булгаков был участником известной дискуссии о ценностной нейтральности социологии (Евтухова 2003) и неоднократно упоминал М. Вебера в своих работах, С.Л. Франк переводил на русский язык труды Э. Гуссерля*. Достаточно открыть известный труд П.И. Новгородцева «Об общественном идеале», чтобы убедиться в том, что профессор Московского университета был примером классического академического ученого с огромным и отлично систематизированным запасом знаний из области философии, истории, социологии и юриспруденции. Идеи и выводы относительно социальных процессов, сделанные этими учеными, поражают своей прогностической силой. Они актуальны в настоящее время, с его многообразием идей, мнений и позиций, распространение которых сопровождается все меньшим взаимопониманием между людьми и группами.

* «Введение в философию» О. Кюльпе (1908), а также «Логические исследования» Э. Гуссерля (1909) на русском языке были подготовлены под редакцией и с предисловием С.Л. Франка.

Между тем такое взаимопонимание становится вопросом выживания человеческой культуры.

Следует отметить, что тенденции развития отечественной социологии в конце XIX — начале XX в. направлялись общим ходом развития европейской мысли, но в то же время имели оригинальные истоки и характер теоретического воплощения. В этом отношении отечественная социологическая мысль, сформировавшаяся в этот период, имеет значительный эвристический потенциал, до сих пор в должной мере не реализованный. Необходимость теоретической актуализации наследия русских мыслителей подтверждается тем фактом, что в современной социологии возрос интерес к ценностным аспектам социального поведения людей (Sztompka 2007) и возник даже так называемый «культурный поворот» в изучении общества (Александр 2013; Bonnell, Hunt 1999; Friedland, Mohr 2004). Этот сдвиг стал результатом растущего понимания научным сообществом центрального значения смыслов и ценностей социальной жизни. Таким образом, изучение и продолжение традиций русской социологической мысли органически вписывается в развитие современной социологии и отвечает потребностям социального развития.

Конечно, творческий потенциал и оригинальные идеи содержатся в трудах и других представителей русской социологической мысли и представителей религиозной философии и неокантианства в частности. Выбор для исследования творчества трех ученых обусловлен тем, что, по нашему мнению, именно в их трудах, раскрываемых под разными углами зрения, обнаруживаются основные элементы того наследия, которое могло бы стать основой для создания новой теории, оригинального подхода к исследованию социальных явлений. В частности, труды С.Н. Булгакова дают материал для разработки методологии логического анализа социальных идей, таких как марксизм, социализм, позитивизм, учат производить анализ явлений культуры при опоре на выявление их базовых ценностей (пример — его глубокий сравнительный анализ древнеиудейской апокалиптики и современного социализма). Творчество П.И. Новгородцева замечательно своим анализом диалектики взаимоотношений личности и общества и отстаиванием ценности нравственного долженствования как идеальной цели, для которой нет альтернативы в качестве социального идеала. Творчество этого ученого содержит обоснование единства личности и социальных структур, опирающееся на постулат о самоценности личности. Наконец, С.Л. Франк внес в социологию центральное, на наш взгляд, понятие — понятие объективной социальной идеи, имеющей свойства жизненности и действительности. Таким образом, он сумел найти теоретические основы исследования

социальных смыслов и идей, восходящие к платоническому понятию эйдоса и в то же время приближенные к новейшей феноменологии Э. Гуссерля и А. Шюца. Итак, наследие этих ученых, содержащее множество других важных моментов, образует основу для понимания трех базовых элементов социологического поиска: понятия об объективном смысле, составляющем сущность социального явления; методологии логического анализа смыслов социальных явлений; личностной активности как диалектического процесса свободного раскрытия внутреннего «я» по направлению к обществу и его задачам. Кроме того, творчество этих ученых характеризуется высочайшей степенью объективности научного анализа и строгости мысли.

Необходимо отметить ту работу, которую провели отечественные исследователи в освещении идейно-смысловых и ценностных аспектов общественной жизни в наследии русских социологов (Давыдов 2008; Кукушкина 1997; Гулыга 2003; Хоружий 2002). Однако большая часть исследований на эту тему была проведена в 1990-е и в начале 2000-х годов на фоне повышенного интереса социологического сообщества и широкой общественности к наследию запрещенных прежде мыслителей. Поэтому исследования были сосредоточены на раскрытии и интерпретации их идей, а не на том, как эти идеи должны быть поняты сегодня, с учетом достижений мировой социологической науки. Ныне на повестку дня встает вопрос об актуализации их теоретического наследия как организационной части развития мировой социологической мысли.

Целью статьи является рассмотрение концептуальных идей представителей русской религиозной философии (С.Н. Булгакова, С.Л. Франка) и русского неокантианства (П.И. Новгородцев) с точки зрения выявления их характеристик, формирующих, с нашей точки зрения, оригинальный подход к социальному познанию. В первом разделе статьи рассмотрены теоретические предпосылки данного подхода к пониманию и исследованию социальной реальности. В нем обращается внимание на ключевую идею рассматриваемой традиции — понятие «объективной живой идеи». Второй раздел посвящен важнейшей концепции, на которую опирались рассматриваемые ученые при объяснении истоков социальной солидарности и взаимопонимания между людьми, — понятию соборности. В третьем разделе освещается идея социального закона, согласно оригинальной трактовке его в рамках рассматриваемой традиции. Четвертый раздел посвящен анализу методологических принципов и исследовательских возможностей данного концептуального подхода. В заключении представлены основные выводы проведенного исследования.

1. Понятие объективной живой идеи

Социологическое творчество рассматриваемых ученых было основано на определенных принципах понимания общества, согласно которым оно представляет собой реализацию свойств человеческого духа, а социальные явления воплощают духовную жизнь людей с заключенными в ней смыслами, верованиями, идеями и идеалами. Любое общественное явление, согласно этому подходу, имеет две стороны: реально-фактическую, в силу которой оно есть событие, состояние или процесс, и смысловую, в силу которой оно имеет некоторое значение или идею. Смысл или идея образует конститутивный признак, вне которого социальное явление немислимо (Франк 1922: 75). При этом физические, материальные проявления социальной жизни людей по сути выступают лишь ее внешним следствием или спутником, в то время как именно смысл образует социальное явление.

Для пояснения этого положения Франк приводит следующий пример. С точки зрения физического события, произошедшего в материальном мире, вывеска Лютером в Виттенберге листовок с его 95-ю «тезисами», ничем не отличалась от вывески любых других афиш или объявлений того времени. Однако с этого события началась Реформация и тем самым история Нового времени в Европе. Внешний наблюдатель, не понимающий смысла этого события для общества, приравнял бы его к иным событиям, подобным по их видимым, материальным проявлениям, и тем самым не сумел бы понять тенденций развития общества и их причин. Иначе говоря, такой наблюдатель не мог бы научно объяснить социальные явления и процессы, связанные с этим событием (Франк 1990: 317).

Следует обратить особое внимание на следующее центральное положение, позволяющее понять значение идей русских мыслителей для современной социологии и отличающее их взгляды на смысловую сторону социальных явлений от взглядов представителей западной традиции понимающей социологии (М. Вебера, А. Шюца). Оно заключается в том, что смыслы, лежащие в основе социальных явлений, не субъективны, а объективны по отношению к индивидуальному сознанию. Они не совпадают с индивидуальными смыслами участников социального процесса. Именно это положение восходит к платоническим традициям русской философской мысли, и оно же способно стать важнейшим элементом, а может быть, и стержнем смыслового исследования общественных явлений, основанных на отечественных традициях. В то время как Макс Вебер считал, что социальные смыслы имеют субъективное происхождение, что они всегда индивидуальны, русские мыслители подходили к их исследованию

в качестве объективных идей, имеющих собственное существование, независимое от индивидуальных сознаний.

Наиболее последовательное развитие эта идея получила в трудах С.Л. Франка (Франк 1991). Для ее пояснения он указывал, что социальные идеи отчасти похожи на абстрактные идеи логики, геометрии или математики. Например, идея государства как общественного явления относится к конкретным государствам как абстрактная идея к конкретным проявлениям этой идеи в реальном мире, например идея треугольника к конкретным предметам треугольной формы. Таким образом, социальные смыслы присущи общественным явлениям и представляют собой объективные идеи, лежащие в их основе. Франк называл такие объективные социальные идеи «живыми идеями-силами». Этот термин был сформулирован французским социологом и философом А. Фулье, понимавшим под ним ведущую социальную идею, направляющую развитие общества (Фулье 1906). Однако для Фулье идея-сила — это именно тот смысл, который ведет общество или группу в определенном направлении. Она выступает у него как идея, основанная на человеческих чувствах и вере. Это понятие близко к понятию идеологии, в том виде, в котором оно было сформулировано его автором, французским ученым Дестютом де Траси. Принимая термин Фулье, Франк не акцентировал внимание на той трактовке, которую давал ему французский исследователь, придав ему более обобщенный и научно обоснованный вид.

Франк стремился не просто понять идеи, воздействующие в том или ином отношении на социальные изменения. Он ставил задачу понимания духовной основы любого социального явления, причем полагал, что именно наличие объективной, независимой от индивидуальных сознаний смысловой основы и делает явление социальным. По сути, он, как и Э. Дюркгейм, искал предмет социологии, однако раскрывал его, в отличие от французского ученого, не в качестве объективного факта, свидетельствующего о наличии определенного способа действия людей в обществе (социального института), а в качестве объективного смысла, формирующего социальное явление. Идея-сила, по Франку, прежде всего объективна, т.е. независима от индивидуальных сознаний, и в то же время она воздействует на волю индивидов, определяя их социальные действия. Иными словами, объективность идеи социального явления выражается в двух основных характеристиках: во-первых, она не имеет ничего общего с индивидуальными субъективно-психологическими состояниями, убеждениями, мыслями, и, во-вторых, она имеет характер идеала или цели стремлений людей, выступая в качестве образца, и вызывая сознание обязанности его осуществить. Эта идея-образец суще-

ствует независимо от признания или непризнания ее тем или иным субъектом и в то же время совершенно реально. В ней сочетаются идеальная сущность и реальный характер. «Общественное отношение, будучи идеей, вместе с тем есть *реальная сила*, действующая на волю людей. Она есть идея-сила (*idee-force*, термин французского социолога Фулье). Существо ее состоит в том, что она есть идея как действенный и творческий образец, т.е. идея, выступающая с требованием своего осуществления» (Франк 1922: 81). Социальная идея является оформляющим началом, институционализирующим социальные отношения (Матвеева 2018: 127).

Мысли С.Л. Франка, безусловно, напоминают концепцию социальных фактов Э. Дюркгейма. И «идея-сила» русского ученого, и «социальный факт» французского классика социологии являются объективными феноменами, независимыми от сознаний индивидов и в то же время воздействующими на эти сознания в направлении их реализации (Франк) или необходимости считаться с ними, как с любыми иными фактами внешнего мира (Дюркгейм). В таком случае можно было бы предположить, что механизм их действия в обществе должен быть сходным. Отчасти это так. Однако принудительность идей социальных явлений иная по сравнению с воздействием социальных структур, поскольку индивид, свободно принимая идею социального явления, интериоризирует ее, делая частью своего внутреннего мира, своей системы идей, или мировоззрения. Более того, реализуя идею социального явления в своей социальной практике, он выступает деятельным агентом, личностью и, воплощая ее в своей деятельности, выходит за пределы своего «я», объединяясь тем самым с другими людьми и с обществом. В этой деятельности, таким образом, воплощается реальное единство личности и общества, о котором неоднократно говорил П.И. Новгородцев в своей концепции социального идеала как идеала развития личности. Деятельный аспект концепции социальной идеи Франка дает возможность понять диалектику личностного и общественного начал, их органическое единство, более того, выйти за пределы дихотомии «индивид — социальные структуры», стоявшей в центре внимания социологов середины — второй половины XX в. Объяснительная модель взаимодействия личности и общества С.Л. Франка, а также концепция социального идеала П.И. Новгородцева являются теоретическими подходами, которые опередили теорию структуризации Э. Гидденса, а также понятие «габитуса» П. Бурдьё практически на полвека.

Для лучшего понимания сущности понятия «идея социального явления» следует иметь в виду, что оно означает не идеологию или ее состав-

ную часть, не деривацию (логическое объяснение нелогических действия) по В. Парето, не идею по Г. Тарду, распространение которой в обществе происходит путем подражания. Иными словами, это не идея в привычном понимании некоторого рационализированного стремления личностей или групп. Отличие данного понятия от обыденного значения слова «идея», затрудняет его понимание. Социальная идея — это прежде всего смысл социального явления, существующий в объективном миропорядке, подобный смыслам математических истин, например смыслу выражения $2 \times 2 = 4$. Как невозможно не считаться с истинами математики, которые не перестанут существовать, даже если не останется понимающих их индивидуальных сознаний, указывает Франк, так нельзя не считаться с наличием социальных идей, даже если индивид или группа не понимают эти идеи или не подозревают об их существовании (Франк 1991: 324).

С. Франк указывает и на ряд отличий объективных социальных идей от абстрактных идей логики или математики. Первое из них состоит в том, что они представляют собой конкретные силы, воздействующие на человеческую волю и ведущие ее по направлению своей реализации. Это идеи, представляющие собой идеалы той или иной сферы социальной жизни. Человек всегда стремится к идеалам, и, таким образом, они действуют как силы, направляющие человеческую активность. Этот момент в концепции русского ученого представляет собой вовсе не утопическое представление о человеке, который «добр по природе своей», а скорее констатацию того факта, что сознание человека существует в неразрывной связи с миром ценностей.

Второе отличие социальных идей от логико-математических истин заключается в том, что социальные идеи создаются людьми в их совместной жизни и имеют конкретное время существования. Это время зависит от человеческого сознания, создающих эти идеи, верящих в них, делающих их регуляторами своих социальных действий и взаимодействий. Социальные идеи являются живыми феноменами, возникающими, развивающимися и исчезающими в зависимости от человеческого осознания тех социальных институтов или отношений, которые существуют до тех пор, пока существует понимание людьми конституирующих их идей.

Таким образом, социальные идеи, в отличие от абстрактных истин математики, существуют только при наличии общества и людей, стремящихся их реализовать в социальной жизни. Они выступают в качестве некоторого объективного порядка общественной жизни, имеющего в своем существе идеальный характер и проявляющегося в его осознании индивидами в качестве моральных требований, целей и ценностей. Идеи социальных явлений, таким образом, объективны и субъективны одно-

временно (Элен 2015). Итак, понятие объективной живой идеи, не подчиняющей человеческую волю, а выводящей ее за пределы индивидуального существования, выступает в качестве центрального понятия концептуального подхода к социальному познанию, заложенного в русской социологической традиции.

2. Общество как единство, или Роль понятия соборности

В современных условиях, характеризующихся (после увлечения пост-модернистскими категориями «деконструкции», «симуляции», «войны целому», «ослабленности бытия» и т.п.) новым поиском основы для общественного единства, особое значение имеет возрождение традиционной категории русской философии и христианской социологии — категории «соборность». Несмотря на то что ее в своих трудах использовали преимущественно представители религиозной социально-философской мысли*, она заслуживает отдельного внимания, поскольку занимает важное место в русской концепции смыслового понимания общественной жизни.

Соборность как научное понятие лежит в основе рассмотрения общества в качестве феномена, образованного духовной жизнью людей и объединенного благодаря наличию их внутреннего единства и взаимосвязи (Франк 1991). Исходя из этого понятия общество представляет собой особую реальность, поскольку на уровне глубинного духовного бытия оно есть единство во многом, или соборное единство людей. Нация, государство, церковь, человечество являются подлинными реальностями, т.е. имеют свои онтологические основы, именно благодаря феномену соборности. Соборность выступает в качестве внутреннего, глубинного слоя общественной жизни, в отличие от общественности как ее внешнего, поверхностного слоя.

По указанию С.Л. Франка, в обществе наблюдается внутренняя связь между индивидуальными сознаниями, объединенными в многоединство, которое представляет собой целостность, особую реальность. Таким образом, соборное единство общественной жизни можно понимать в смысле, достаточно близком тому смыслу, который вкладывал в свое понятие социальной реальности Э. Дюркгейм. Соборное многоединство сознаний образует реальность со своими особыми свойствами, отличными от совокупности свойств индивидуальных сознаний, входящих в ее состав.

* «Всесторонний анализ данного понятия был дан в трудах А.С. Хомякова, С.Н. Булгакова, И.А. Ильина, Н.О. Лосского, В.В. Розанова, В.С. Соловьёва, П.А. Флоренского, Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, В.В. Бычкова» (Мищенко 2011: 319).

Именно так понимали соборное единство Церкви славянофилы — основоположники учения о соборности.

Однако, в отличие от господствующей над индивидом социальной реальности Дюркгейма, смысл соборности состоит не в ее принудительном характере. Скорее, она может быть сопоставлена с понятием социальной солидарности. Соборность — это внутренне присущая обществу солидарность, основанная не только на сходстве ценностей или мировоззрений индивидов, и даже необязательно на нем, поскольку она не исчезает даже при наличии конфликтов и разногласий, борьбы интересов и мнений. И тут обнаруживается разница между этими двумя категориями: в отличие от соборности, социальная солидарность проявляется в качестве внешнего объединения людей, в то время как соборность — это не просто объединение, а именно внутреннее единство, чувство «мы». Это чувство «мы» не исчезает от наличия конфликтов внутри сообщества. Соборность, таким образом, не противоречит современным представлениям о социальном конфликте как феномене, играющем в обществе функциональную роль. Более того, соборность является внутренним свойством общества, которое в принципе невозможно разрушить вследствие его изначальной онтологической сущности (в отличие от социальной солидарности). Она есть глубинное начало общественной жизни, объединяющее не только людей одной культуры или одного общества, но и всех людей на Земле. Это начало, делающее реальным фактом социальной действительности наличие взаимопонимания между цивилизованным человеком и дикарем, ученым и чернорабочим.

Общество в качестве соборного единства не есть некое «сверх-Я», обладающее невидимым, но реально существующим «социальным разумом». В противоположность этому допущению оно есть реальность («мы» — народ») во всех его членах. Таким образом, подход, развиваемый в русской традиции, акцентирует внимание на внутреннем единстве индивидуальных сознаний, входящих в состав общественного целого, а не на подавляющем влиянии социальной структуры на индивида. Этим снимается проблема противостояния между свободной волей индивида и жесткостью социальной структуры, заложенная в радикальном социализме Э. Дюркгейма. Одновременно получают новое обоснование категории социальной солидарности и социальной реальности.

С.Н. Булгаков в своих социологических трудах придавал важнейшее значение научному пониманию феномена глубинного единства человеческого рода. У него эта идея выражена в постулате о человечестве как трансцендентальном субъекте хозяйства, знания, истории, т.е. социальной

жизни. Единство человеческого рода, по его словам, проявляется в сознании людей, в их стремлении к осуществлению принципов любви, солидарности, в поисках социального идеала, а также в конкретных социальных идеалах народов и эпох (Булгаков 1993д: 154). На утверждении этого единства базируется его концепция хозяйства как совместной экономической деятельности всего человечества, предвосхитившая, хотя и на основе совершенно иного исследовательского подхода, современные концепции мир-системы И. Валлерстайна и интегрального мирового хозяйственного уклада Э. Тоффлера. Булгаков остро чувствовал процессы объединения человечества, замечая в этом отношении, что это объединение не может быть основано на жестком централизме. Идея соборности у Булгакова тесно связана с духом свободы и свободного объединения автономных сообществ (Мищенко 2011: 322).

По словам Булгакова, «человечество признает себя солидарным и чувствует себя единым — вот чудесный и загадочный факт, лежащий на самом дне человеческого сознания» (Булгаков 1993в: 210). Аргументируя свои слова, он ссылался на способность людей чувствовать стыд или гордость за других людей, порой совершенно иных культур, наций или поколений, за целые исторические события или действия социальных групп, более того, на способность отдельного индивида чувствовать ответственность за человечество в целом, от имени человечества. Он указывал на то, что реальность общечеловеческого единства, соборности, лежит в основе так называемых «религий человечества», разработанных независимо друг от друга Огюстом Контом и Людвигом Фейербахом. Признание реального единства человеческого рода ученым положил также в основу своего исследования хозяйственной этики будущего мирового хозяйственного устройства (Булгаков 1993д).

Благодаря понятию соборности, таким образом, мы приходим к чрезвычайно важным выводам относительно фундаментального вопроса современной социологии — вопроса о существовании единства общества как особого целого. Этот вопрос и сейчас дискутируется в мировой социологической мысли (Mann 1986: 1). Так, некоторые теоретики отрицают целостный характер общества на том основании, что в нем не прослеживается наличие пространственных ограничений (Карасев 2016). Русская смысловая традиция противостоит постмодернистскому отказу от признания реальности общества, отнесению этого понятия к «ортодоксии» в социологии. Согласно русским мыслителям, единство общества действительно не может быть охарактеризовано с точки зрения пространства или времени, но не потому, что нет самого единства, а потому, что эти категории к нему не относятся. Соборность есть духовное един-

ство общества, не ограниченное временем и пространством. Благодаря соборности общество выступает как сверхвременное и сверхпространственное единство. Существовая в пространстве и времени, оно обнаруживается не только и не столько как совокупность, имеющая место здесь и сейчас, но как единство процесса, изменения в пространстве и времени. И оно выходит за пределы конкретного времени и пространства, поскольку может обнаруживать духовное единство между людьми, выходящее за пределы этих категорий. «Государство, нация, семья, к которым мы принадлежим в пределах своего существования, по смыслу своему не приурочены к данному моменту, а суть единства, объемлющие всю длительность времени, нормы, которым мы подчиняемся, имеют силу также независимо от данного момента. Следовательно, во всякий данный момент общественное бытие пронизано силами, не только *идущими из прошлого и переходящими в будущее* (что имеет место во всяком бытии), но по смыслу своему *сразу объемлющими* прошлое, настоящее и будущее» (Франк 1922: 83). Человечество, взятое на всем протяжении его исторического существования, предстает, таким образом, как взаимосвязанное единство, объединенное не просто причинно-следственной связью событий, но внутренним единством, или соборностью. С.Л. Франк указывал на то, что общество есть целостная реальность, причем связь между его членами, образующая это единство, имеет характер духовной связи, иными словами, это связь между сознаниями людей (Франк 1991: 288–289).

Однако единство человечества хотя и находит свое подтверждение во многих фактах жизни и творчества людей, одновременно ставится под сомнение наличием конфликтов, эгоизма, ценностными различиями и т.п. Эта двойственность общественной жизни находит свое объяснение в наличии двух ее уровней — уровня видимой действительности и глубинного, не видимого и не осязаемого уровня духовной реальности (Франк 1991). Соборность есть свойство реальности глубинного уровня, на внешнем уровне социальной жизни проявляющееся в отношениях общности — социальной взаимосвязи и солидарности, разъедаемой, однако, конфликтами и противоречиями. Таким образом, обращая особое внимание на понятие соборности, русские социологи подчеркивали и наличие внешней, общественной, стороны социальных отношений. Соборность и общественность выступают как парные категории, описывающие общественные связи с двух противоположных сторон — внутренней и внешней. Игнорируя соборность как реальное свойство общества, мы рискуем упустить важнейший элемент социального анализа, от которого зависит правильное понимание социальных проблем.

Немаловажно отметить, что понятие соборности в истории русской мысли не являлось застывшим. Изложенная трактовка этого понятия, основанная на трудах С.Н. Булгакова и С.Л. Франка, не полностью совпадает с тем смыслом этого понятия, который был заложен создателем учения о соборности А.С. Хомяковым, причем различия являются принципиально важными. А.С. Хомяков понимал соборность в качестве особого типа взаимоотношений — добровольного, или свободного, объединения людей в духе любви и взаимопонимания. По сути, он пришел к этому понятию от формулирования идеального образа Церкви как духовной общины, объединенной верой и любовью (Горелов 2017: 86). Соборность как тип социальных отношений в противовес конфликтам и вражде отличается от такого понимания этого термина. Отметим, что создатели учения о соборности неслучайно использовали прописную букву в начале слова «Церковь», различая ее как вневременное и внепространственное духовное единство верующих и эмпирическую церковь как социальный институт.

С.Н. Булгаков также пользовался этой трактовкой, признавая наличие соборного единства Церкви и поясняя, что она есть целостность не в смысле эмпирическом, а в смысле духовном, духовное единство верующих. Он, кстати, не скрывал, что теоретической опорой его концепции единства Церкви были не только сочинения русских авторов — славянофилов и В.С. Соловьева, — но и сочинения «отцов церкви», среди которых выделял Августина Блаженного и его труд «О Граде Божием», в котором выявлены два типа социальных отношений — отношения любви и взаимопомощи и отношения вражды и конкуренции между людьми (неслучайно и название книги С.Н. Булгакова «Два града», явно производное от названия труда блаженного Августина, и его концепция двух противоположных направлений социального развития — богочеловечества и человекобожия). Однако Булгаков использовал и иное, расширенное толкование слова «соборность» — как универсального и неотъемлемого свойства общества, его онтологической основы. В этом втором смысле соборность есть не просто определенный тип социальных отношений, а основа всякого общества, со всеми его противоречиями и конфликтами. Соборность как бы просвечивает сквозь конфликты и разделение, она остается выше их, являясь основой для взаимопонимания людей даже в самые трудные времена. Такое понимание соборности воплощено в булгаковском учении о человечестве как едином субъекте, или о единстве человеческого рода (Матвеева 2011: 26–27).

Однако социологически наиболее современную форму этому понятию придал С.Л. Франк, обосновавший его в качестве категории, отражающей

живое чувство сопричастности всех людей, единство «мы», не имеющее пространственных и временных границ. Мы можем чувствовать духовное единство с людьми иных эпох и народов, сопереживать страданиям людей прошлого и настоящего, мы обладаем пониманием другого даже в таком простейшем акте, как купля-продажа, который не совершается механически, а представляет собой социальное отношение. Интересно, что данная трактовка понятия «соборность» делает его полезным при социологическом изучении сетевой социальной коммуникации между людьми, обосновывая ее распространение, интенсивность и влияние именно при помощи положения о наличии ее онтологических основ в соборном единстве людей.

3. Проблема социальных законов

Отдельно следует сказать о взглядах русских ученых на проблему социальных законов. Наиболее общая их предпосылка состоит в том, что законы социальной жизни существуют, но лежат они не в той сфере, в какой их обычно принято искать. Их нет в сфере внешней реальности общественной жизни, поэтому их нельзя обнаружить опытно-экспериментальными, позитивистскими методами. По С. Булгакову, нет никакой закономерной неизбежности протекания общественных процессов и наступления определенных результатов, как представлялась социальная необходимость, например, в марксизме. Статистические закономерности, т.е. эмпирические связи социальных переменных, являются временными и зависимыми от конкретной социальной ситуации, не подходя, таким образом, на роль социальных законов. Однако социальная жизнь не есть поле абсолютной свободы человеческой воли. Ее законы — это законы внутренней природы общества. Социальная причинность есть причинность онтологическая, лежащая за пределами явлений и выступающая их ноуменальной основой (Булгаков 1993д: 282).

Хорошо понимая причины, по которым существование социальных законов отрицалось в неокантианстве, русские ученые полагали, что основной проблемой, связанной с данным вопросом, является проблема свободы воли. Если есть твердые и неизменные социальные законы, то нет места свободной человеческой воле и все наши представления о собственных целях и стремлениях в общественной жизни оказываются лишь иллюзией и самообманом. Однако концепция объективного характера идей социальных явлений все же предполагает наличие взаимосвязей между ними, независимых от индивидуальной воли.

Определенные разъяснения по данному вопросу содержатся в трудах С. Франка. Его анализ более всего приближает нас к социологическому

пониманию проблемы социальных законов, как она освещалась в данном направлении мысли. Ученый сравнивал поиск социальных законов с постижением природы общественной жизни, дающим твердые указания для социальных стремлений людей. Поскольку сущность общественной жизни идеальна, то и социальные закономерности носят характер причинной взаимосвязи между идеями, или смыслами, социальных явлений. Идеи познаются методами понимания и установления логических взаимосвязей между ними, и соответственно эти же методы применимы для установления закономерности социальных явлений. При этом Франк различал два вида социальных законов — феноменологические и онтологические. Под феноменологическими законами он понимал связи, существующие между наиболее общими мыслимыми феноменами бытия, т.е. между объективными идеями явлений. Поскольку идеи, по его мнению, лежат в основе эмпирических событий социальной жизни, имеется непосредственная закономерная взаимосвязь между логикой социальных идей и причинно-следственными связями между социальными явлениями. *Логическим связям между идеями соответствуют реальные связи между явлениями.* Это положение, имеющее принципиальное значение в рассматриваемой концепции, также лежит в основе рассуждений С. Булгакова о познаваемости мира, его софийности (Булгаков 1993д: 253). Феноменологические законы, по Франку, являются абсолютно и априорно необходимыми.

Онтологические законы — это внутренние связи глубинной структуры бытия, необходимые по существу, но проявляющиеся в эмпирической жизни. Иначе говоря, если феноменологические законы открываются при помощи проникновения в идеальную суть явлений, то онтологические обнаруживаются скорее извне, имея некоторое внешнее сходство с законами природы. То есть, в отличие от феноменологических законов, люди способны ощущать действие этих законов в своей социальной практике, подобно тому, как мы ощущаем действие закона гравитации, даже не зная его суть. Например, можно отрицать всякую власть, но на практике реально ощущать ее неизбежность и необходимость. По аналогии с законами природы люди могут пренебрегать онтологическими законами социальной жизни или даже сознательно противодействовать им. В этом случае общество подвержено различного рода нарушениям, дезорганизации и катаклизмам (Франк 1991: 271).

Как следует из предложенного Франком тезиса о наличии двух видов социальных законов — феноменологических и онтологических, социальная причинность может раскрываться при помощи обнаружения объективных соотношений явлений (онтологические смысловые связи) и через

взаимосвязи идей социальных явлений (феноменологические смысловые связи). Но социальные идеи по своему существу есть идеи ценностного характера, или смыслы-ценности. Так, если онтологическим социальным отношением в сфере власти и управления является отношение господства и подчинения, т.е. реальное жизненное отношение, то идеальный смысл власти и управления состоит в некоторой или некоторых ценностных идеях, «освящающих» эту власть, делающих ее легитимной в глазах людей. Эти две разновидности социальных причин не существуют друг без друга и, таким образом, являются двумя сторонами одной и той же социальной причинности. Таким образом, при правильном социологическом подходе к исследованию необходимо выявить онтологические смысловые связи рассматриваемого явления и переходить к выявлению и анализу феноменологических связей либо наоборот.

Подобный подход был продемонстрирован П.И. Новгородцевым в его исследовании социальных идеалов. Рассматривая идейные установки социализма и анархизма, он провел анализ их научных и философских основ, т.е. логико-теоретических связей внутри этих идеологических систем. Затем он рассмотрел неизбежный ход их логического развития, в результате чего пришел к выводу о том, что эти учения не только не имеют реальной силы для совершения социального переворота в мире, но, кроме того, содержат внутренние логические противоречия, препятствующие созданию законченных теоретических конструкций. Лозунги и обещания, выдвигаемые в рамках этих идеологий, могут иметь сильное влияние на массы, т.е. на общественное мнение, однако социальная жизнь сложнее, чем настроения людей. Поэтому в реальной социальной практике они неизбежно обнаружат свою слабость. В то же время, указывал П.И. Новгородцев, каждое из этих учений содержит в себе жизненную правду, для осуществления которой они должны войти в связь «с глубочайшими условиями исторического развития» (Новгородцев 1991: 15–16), т.е., собственно, с социальными законами.

Эти принципов в той или иной форме придерживались и другие представители рассматриваемого направления социологической мысли. Так, С.Н. Булгаков, анализируя теорию К. Маркса, говорил о том, что с чисто научной точки зрения это учение не выдерживает критики. Однако в марксизме, по его словам, заключена жизненная правда, благодаря которой он и приобрел столь сильное влияние на умы людей. Эта правда заключается в том, что марксизм уловил экономический характер, или стиль, современной ему эпохи, т.е. чувство хозяйственной обусловленности жизни, которое стало определяющим в жизни общества. Жизненная правда марксизма заключается и в утверждении трудовой теории цен-

ности, в чувстве того, что ценность продукта создается трудом человека, в утверждении труда как источника человеческой сущности, и одновременно в ее реализации во внешнем мире (что не противоречит, по его мнению, библейским и христианским принципам). Эта правда состоит и в резком неприятии эксплуататорских форм экономических отношений, в стремлении и даже вере в социальную справедливость (Булгаков 1993д). Иными словами, марксизм выразил определенные объективные смыслы социальных явлений и их соотношения, что и придало силу этой теории, не отвечающей требованиям чистой научности, позитивизма или сциентизма. Перечисленные принципы теории Маркса поддерживал и сам Булгаков, так как, согласно его анализу, они соответствуют онтологической природе хозяйства как сферы человеческой активности, а также общественной жизни в целом.

Ошибка же марксизма, по его мнению, состоит в переворачивании правильного соотношения материального и духовного начал в обществе, в подчинении духовного начала материальному. Даже принцип труда должен быть проанализирован не как реализация биологического стремления к удовлетворению материальных потребностей человека путем создания продуктов потребления, а как реализация духовной сущности человека путем преобразования этого мира в замысле человека, в его творчестве. Исследование учения Маркса, проведенное Булгаковым, является примером социологического анализа социальных учений и идей, которые могут изучаться не только как логические конструкции (феноменологический анализ), но и как смысловые конструкции, отражающие реальное содержание общественной жизни и устанавливающие соотношение социальных процессов с ее онтологической сущностью. Например, вскрытое Марксом противоречие между общественным характером труда при капитализме и частнокапиталистической формой присвоения его результатов может рассматриваться как вскрытие нарушения объективного онтологического закона общественной жизни. Интересно, что анализ марксизма, проведенный Дж. Александером, опирается на сходные исследовательские принципы (Александер 2011).

4. Методологические принципы познания общества

Из общего понимания свойств социальной реальности следуют определенные методологические принципы, намеченные в рассматриваемой традиции. Необходимо заметить, что исследование смыслов социальных идей бесспорно, лежит в русле понимающей парадигмы социологической мысли. Однако оригинальность и ценность подхода русских ученых заключается в смещении исходных принципов понимания с предпосылки

о том, что единственным источником и творцом смыслов является индивид, на предпосылку о том, что смыслы имеют социальное происхождение и социальное, объективное по отношению к индивиду бытие. Эта установка дает обоснование возможности объективно-логического исследования социальных идей с помощью метода их идеально-типического конструирования, логического анализа и эмпирического изучения их реального воплощения в общественной жизни.

В соответствии с этим основа исследовательской методологии рассматриваемого направления лежит в плоскости изучения социального явления (процесса) с точки зрения его объективного смысла, т.е. смысла, независимого от индивидуальных сознаний и психологических свойств участников или наблюдателей. Методология такого исследования не представляет собой что-то совершенно новое и неизведанное наукой. Напротив, в творчестве, наверное, любого выдающегося социального мыслителя мы найдем прямые или косвенные примеры применения этого метода. Так, вывод Э. Дюркгейма о том, что функции религии заключаются в формулировании и охране сакральных ценностей, придающих единство обществу и его культуре, может интерпретироваться как вывод относительно объективной идеи такого социального феномена, как религия. Нетрудно заметить, что открытие латентных, по Р. Мертону, функций социальных явлений имеет самое прямое отношение к изучению их объективных смыслов. Можно предположить, что методология рассматриваемой традиции мысли, развитая на современном уровне научного знания, даст возможность более эффективно выполнять задачи социологических исследований, связанные с обнаружением и анализом латентных функций социальных институтов.

Однако акцент на исследование объективных смыслов социальных явлений в данном подходе должен рассматриваться не как дополнительный и вторичный по отношению к уже известным методологическим подходам. Напротив, установки, содержащиеся в трудах прежде всего С.Л. Франка и С.Н. Булгакова, позволяют ставить вопрос о возможности разработки «сильной программы» изучения объективных смыслов социальных явлений. Это означает, что такой метод не должен попадать в зависимость от изучения других сторон социальной действительности (например, статистических данных или генезиса социального явления). Исследование объективных смыслов должно рассматриваться в первую очередь как независимая исследовательская методология с собственными стратегиями и процедурами.

В этой связи имеет большое значение классификация уровней исследования общества, сформулированная С.Л. Франком. Он выделил

три уровня социального познания (Франк 1992: 326–327). На первом, поверхностном уровне общество рассматривается в его внешних проявлениях: конкретных событиях, статистических данных, фактах социального, политического, экономического устройства общества, деления его на слои и группы и т.д. На втором, или среднем, уровне изучаются процессы исторического развития общества и его институтов. Прослеживая формы социальных отношений в их развитии, наука выявляет причинно-следственные связи между ними, их генезис, тем самым получая о них более объемное и комплексное представление. На третьем, глубинном уровне рассматриваются смысловые, ценностные основы общественной жизни. Здесь обнаруживается духовная сущность социальных явлений, общество предстает в качестве феномена, образованного духовной жизнью людей, их волей и идеалами. Только третий уровень социального познания, по мнению ученого, обеспечивает понимание социальных явлений. Хотя первые два уровня необходимы для социальной науки, они носят подчиненный характер, фиксируя внимание исследователей на внешних проявлениях общественной жизни, а не на ее подлинных основах.

Следует отметить, что исследовательская установка, направленная на интерпретацию социальных явлений через обращение к их внутренней духовной сущности, выступает характерной чертой смысловой традиции русской социальной мысли, тесно связанной с платоническими традициями русской философии (Dobieszewski 2010). Действительно, понятие «объективные смыслы социальных явлений» восходит к платоновским «эйдосам», т.е. абстрактным, логическим идеям явлений. Неслучайно Франк сравнивал эти объективные смыслы с истинами таких наук, как математика и логика, т.е. наук, в которых объективность предстает в наиболее чистом виде. При этом ученый опирался на феноменологическую методологию, разработанную Э. Гуссерлем. Объективные идеи социальных явлений выступают здесь наравне с содержанием истин логики или математики, как самостоятельные феномены, которые по своему содержанию независимы от субъективных мнений. «Существует сфера идеальных соотношений, вневременно сущая и потому независимая от сферы человеческой душевной жизни» (Франк 1991: 324).

Однако наравне с объективными смыслами в основе социальных явлений лежат духовные факторы, которые невозможно считать независимыми от индивидуальных представлений, т.е. идеи, верования, убеждения людей. Такая исследовательская методология не игнорирует это обстоятельство. Дело в том, что, по указанию Франка, объективные идеи социальных явлений имеют и другую сторону, в которой они соединяются

с индивидуальным сознанием, становясь его частью, воплощаясь в личностных стремлениях, убеждениях и верованиях. «В лице идейно мотивированной человеческой воли мы имеем как бы промежуточное царство, объединяющее область фактов с областью идеалов» (Франк 1922: 108). Но не есть ли в таком случае индивидуальные устремления людей лишь зависимой переменной? На деле исследование объективных идей социальных явлений никоим образом не игнорирует личность и не ставит ее в подчиненное положение по отношению к общественному целому. Социальные идеи рассматриваются в ней как интегральные моменты, вырастающие из коллективной жизни людей и укорененные в ней. Поэтому их понимание возможно лишь с помощью «внутреннего духовного соучастия и сопереживания невидимой общественной действительности» (Франк 1991: 317). Исходя из этого понимания социального трактуется и методология познания общества, которая основывается на таких понятиях, как вера, идея, идеал, стремление, убеждение. Обнаружение и анализ социальных идей производятся с помощью изучения лежащих в их основе верований, идеологий, ценностей и целей участников общественной жизни, т.е. личностей и групп. Иными словами, чисто логическое исследование, являющееся основным методом для математики, недостаточно для социологии.

Следует остановиться на проблеме соотношения индивидуальных смыслов, вкладываемых людьми в их социальные действия, и смыслов общезначимых, характерных для человечества в целом, отдельного общества, культуры или типа социальных практик. Этот вопрос заслуживает особого внимания еще и потому, что именно его решение определяет то место, которое занимает рассматриваемый подход в спектре существующих социологических парадигм и подходов. Согласно ему, для познания общества недостаточно понимания индивидуальных смыслов людей относительно социальных явлений. Дело в том, что социальные события, явления и процессы несут в себе духовные смыслы, отличные от тех смыслов, которые связывают с ними действующие индивиды. Понимание этого было отражено Гегелем в его понятии о «лукавстве (абсолютного) разума»: из совокупных действий людей рождаются следствия, которые никто из них не ожидал, абсолютный разум ведет человечество путями, заложенными в объективном развертывании его идей (понятий), при этом используя человеческие стремления для их реализации. Позиция С. Франка, не содержащая апелляции к Абсолюту, в этом отношении совпадает с мнением Э. Дюркгейма о том, что рассмотрение социальной жизни в качестве особой реальности означает признание ее свойств, отличных от индивидуальных идей и мотивов (Дюркгейм 1991).

Можно заметить, что понимание Франком сущности социального имеет значительное сходство с пониманием Дюркгейма. Поэтому следует сказать несколько слов о соотношении позиций ученых в этом вопросе. Дюркгейм подчеркивал, что все социальные факты — семья, право, государство, формы быта, хозяйство, классовые отношения — суть кристаллизация человеческих верований и идей. А это означает, что они несут в себе смыслы, заложенные людьми. Однако он парадоксальным образом предлагал отстраниться от этой идеальной сущности социальных фактов и изучать их как вещи, познаваемые по их внешним проявлениям. Основной причиной такого исследовательского «поворота» было убеждение Дюркгейма в невозможности объективного подхода к познанию идей. Так, согласно знаменитой формуле ученого, «вещь противостоит идее, как то, что познается извне, тому, что познается изнутри» (Дюркгейм 1991: 394). В отличие от французского классика, Франк идет более прямым путем интеллектуального поиска, утверждая, что именно изучение объективных идей социальных явлений есть основной предмет социального познания (Франк 1922).

Это сходство понимания сущности социального при коренном различии в методологических подходах двух ученых отнюдь не случайно. Дюркгейм считал необходимым работать с социальными фактами как с «вещами», объектами реальной действительности по причине того, что каждый исследователь может иметь собственное, субъективное представление о смыслах социальных явлений. Познание идеи изнутри подразумевает необходимость вживания, сопереживания, всегда носящего субъективный характер. Именно это обстоятельство заставило ученого обратиться к такому, казалось бы, парадоксальному методу, как исследование коллективных представлений, т.е., в сущности, социальных идей, при помощи изучения их внешних проявлений.

Франк же, напротив, настаивал на изучении духовной сущности общественной жизни как таковой и познании объективных идей социальных явлений в их собственной ипостаси. Это сближает его подход с понимающей социологией М. Вебера, хотя, как и в предыдущем случае, лишь до определенной степени. Веберовская традиция исходит из предпосылки о том, что основой социальной жизни являются смыслы, вкладываемые индивидами в их социальные действия. Индивид служит в ней источником общественных явлений и в то же время посредником между миром реальной действительности и миром ценностей*. Русская же смысловая

* Положение относительно существования особого «мира ценностей» восходит к немецкому неокантианству, в частности, к исследованиям Г. Риккерта, на труды которых опирался Макс Вебер.

традиция фиксирует внимание на внеиндивидуальных объективных смыслах. Но это, казалось бы, принципиальное различие на деле не означает непреодолимой пропасти. Скорее речь может идти о взглядах на одно и то же явление с различных сторон, причем путь к взаимопониманию проложен самим немецким классиком (что, к слову, указывает на исследовательскую необходимость, которая привела его к рассмотрению данного вопроса). Дело в том, что индивидуальные смыслы, по Веберу, должны изучаться социологией только в их обобщенном виде, освобожденном от индивидуальных проявлений, в виде «чистых типов» смыслов или смысловых связей (идеальных типов) (Вебер 1990: 609). Можно сказать, что метод построения идеальных типов состоит непосредственно в исследовании объективных смыслов социальных явлений. Таким образом, создатель понимающей социологии разработал и применил в своих исследованиях метод, соответствующий исследованию объективных идей социальных явлений.

В свою очередь, русские социологи проложили путь в обратном направлении: от установки на познание абстрактных объективных идей социальных явлений к изучению проблем, связанным с конкретными, здесь и сейчас проявляющимися идеями, смыслами и ценностями личностей и групп (которые могут быть выявлены при помощи общедоступных эмпирических методов, включающих опросы общественного мнения и разнообразные «качественные» методики). Одно из важнейших понятий в этой связи, используемое представителями данного направления, — это понятие религиозной веры. Под ним подразумевается убеждение, принимаемое человеком на эмоционально-волевом уровне, не требующее доказательств своей истинности по причине его высшей ценности для личности (Булгаков 1993а). Это понятие выводит социологическую методологию на проблему сакральных (священных) смыслов, разработанную в таком направлении, как культурсоциология (Александр 2013). Дело в том, что вера всегда личностна, это характеристика внутренних, интимных смыслов человека, но эта же характеристика выводит личность за собственные пределы, расширяя ее духовную направленность сначала в социальный мир, а затем и в мир более широкого духовного бытия (выходящего за пределы социологического изучения).

В этой связи также необходимо упомянуть понятие «внутреннее духовное ядро личности» (Булгаков 1993б). Оно обозначает тот духовный (смысловой, идейный, ценностный) центр, из которого проистекают мотивации и действия человека. Духовное ядро личности, по Булгакову, отличается устойчивостью смыслового содержания и распространением своего влияния на все виды социальной активности субъекта. Его иссле-

дование возможно, в частности, при помощи герменевтических и понимающих методов. Булгаков указывал, что, для того чтобы понять идеи индивида или его деятельность, нужно прежде всего отыскать «духовное ядро личности», из которого проистекают конкретные проявления в форме идей, мнений, смыслов или действий. Сам он неоднократно продемонстрировал применение этой исследовательской методологии в своих работах, посвященных отдельным выдающимся личностям — Карлу Марксу, Томасу Карлейлю, Людвигу Фейербаху, Пабло Пикассо, А.П. Чехову, Ф.М. Достоевскому, Н.Ф. Федорову, К.Н. Леонтьеву, А.И. Герцену. Именно интересом к пониманию духовного ядра этих выдающихся людей можно объяснить широту охвата персональных характеристик, созданных Булгаковым, ведь среди них характеристики самых разных по сфере деятельности людей — философов, ученых, писателей, художников.

В концепцию смыслового познания общества органически включено понимание не только ценностных установок индивида, его духовных принципов, но и его активности, действий, являющихся результатом осознанного стремления к реализации тех или иных идей, которые он считает истинными, справедливыми, полезными или добрыми. Личность выступает здесь не только в качестве носителя ценностей и смыслов общественной жизни, но и субъектом социальной активности, реализующим идеалы, объединяющие ее с другими людьми и как бы расширяющие индивидуальные смыслы в направлении абсолютных ценностных основ бытия — справедливости, добра, красоты, истины и любви (Boobbyer 2015).

Понимание глубины исследовательской методологии русских ученых необходимо сопряжено с осознанием того факта, что они работали в условиях исключительной потребности в изучении тех социальных идей, которые кипели вокруг и реализовывались — удачно или нет — на практике. Применяя свой подход к анализу конкретных социальных процессов, русские социологи, в частности, уделили значительное внимание интеллигенции как социальному слою, для которого характерно творческое мышление, идейно-мотивированные поступки, новаторские идеи и следование им в достижении тех целей, которые, по убеждению представителей этого слоя общества, являются справедливыми или прогрессивными (Кукушкина 2015). В то же время они осуществили анализ объективных, внеиндивидуальных смыслов социальных явлений, воплощенных в исторических событиях, идеологиях, взаимоотношениях народов и государств (Бердяев 1990; Новгородцев 1991).

Анализ объективных идей социальных явлений в данной исследовательской методологии тесно связан с анализом ценностей и идеалов, раз-

деляемых субъектами социального процесса. Например, С.Н. Булгаков, рассматривая такие понятия теории Маркса, как коммунизм, классовая борьба, пролетариат, буржуазия, революция, пришел к выводу о том, что их подлинный смысл лежит не в сфере чистой науки, а в сфере социальных ценностей, т.е. ценностей общественной жизни, которые становятся предметом особого отношения для приверженцев этого учения. Так, буржуазия становится классом-врагом, пролетариат — классом — спасителем трудового народа, классовая борьба преобразуется из средства борьбы групп за свои интересы в средство борьбы за добро, правду и справедливость, т.е. за высшие ценности, революция становится неким священным действием по преобразованию общества в принципиально новое состояние (преображение общества), а коммунизм есть идея будущего, в котором человечество найдет идеал общественного устройства, разрешив противоречия, характерные для всех предшествующих типов обществ. Таким образом, Булгаков провел анализ ценностей, на которых основывалось марксистское движение и популярность марксизма, что было важной составляющей научного исследования объективных идей, лежащих в основе этого социального явления (Матвеева 2014).

Заключение

Согласно оригинальному исследовательскому подходу, рассмотренному в статье, идеологические конструкции, взгляды, политические позиции имеют определенные объективные идейные основания, которые необходимо определять каждый раз, когда социолог имеет дело с социальными объектами или явлениями. Метод исследования этих идейных оснований — вычленение объективных смыслов соответствующих социальных явлений, прослеживание их логических взаимосвязей и хода их логического развития. Такой подход представляется объективным и ценностно-нейтральным. Для исследования объективных смыслов социальных явлений могут быть применены разнообразные методы и приемы, разработанные понимающей традицией, — от рационального понимания до вживания или сочувственного переживания рассматриваемого явления.

Представители рассмотренной традиции социологической мысли видели в обществе особую целостность, реальное существование которой основано на соборности как внутреннем духовном единстве, которое обнаруживается как в элементарных актах взаимодействия, так и в феноменах макроуровня, таких как хозяйство, наука, культура. Наличие этого единства дает возможность взаимопонимания между людьми и общностями, обеспечивает преемственность ценностей, формирует общечеловеческие понятия и чувства. Признание соборности категорией социоло-

гической науки не противоречит и парадигме конфликта, поскольку конфликт также содержит в себе определенную духовную связь, борьбу за новые аспекты единства, что и было установлено данной парадигмой. Иными словами, категория соборности может быть фундаментом более глубокого обоснования установок социологической теории конфликта, утверждающей его укорененность в обществе и функциональность с точки зрения развития социальных отношений.

Стремление к изучению внутренних законов общественной жизни, понимаемых как законы существования и развития объективных идей социальных явлений, есть еще одна черта рассмотренного направления. Это стремление основывается на признании наличия онтологических основ общественности, или условий исторического развития обществ. Анализ объективных идей социальных явлений и выявление законов их взаимосвязи и развития, с одной стороны, и изучение фактов, раскрывающих онтологические основы общественной жизни — с другой, есть методологический принцип социального познания, заложенный в трудах русских ученых.

Данная традиция содержит и определенный подход к пониманию социальной сущности личности и ее активности в процессе общественной жизни. Личность, согласно этому подходу, не есть самодостаточная субстанция. Она содержит в себе свойства, расширяющие ее внутреннюю духовную основу вовне, в общество и мир. Воспринимая и реализуя социальные идеи, личность раскрывает свой внутренний потенциал. Одновременно, она перерабатывает объективные социальные смыслы, пропуская их через глубины своего духа, тем самым давая им постоянное развитие. Личность, таким образом, выступает как активный агент социального процесса, причем без этой активности социальные идеи стали бы безжизненными.

Таким образом, в российской социологической мысли была сформирована самобытная исследовательская традиция с определенным предметно-методологическим полем. Эта традиция основана на признании наличия объективных идей социальных явлений, воздействующих на индивидуальное сознание в направлении их реализации в социальной практике. Эти идеи могут быть проявлены более или менее отчетливо, могут иметь скрытый характер. По убеждению русских мыслителей, изучение таких идей, логических связей и соотношений между ними есть метод понимания социальной жизни. Поскольку индивид выступает в этой традиции как активный участник процесса создания и реализации социальных идей на практике, то другой стороной исследовательского процесса должно быть изучение ценностей людей и групп. Углубляя исследо-

вательский поиск, необходимо применить метод анализа духовного центра личностной активности, того ядра личности, из которого проистекают ее важнейшие взгляды и поступки.

Литература

Александрер Дж. (2011) «Проект марксизма» в истории своего времени. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 14(3): 24–49.

Александрер Дж. (2013) *Смыслы социальной жизни. Культуросоциология*. М.: Праксис.

Бердяев Н.А. (1990) *Смысл истории*. М.: Мысль.

Булгаков С.Н. (1993а) Карл Маркс как религиозный тип. Булгаков С.Н. *Соч. в 2-х томах*. М.: Наука, Т. 2: 240–272.

Булгаков С.Н. (1993б) Основные проблемы теории прогресса. Булгаков С.Н. *Соч. в 2-х томах*. М.: Наука. Т. 2: 46–94.

Булгаков С.Н. (1991) *Православие. Очерки учения православной церкви*. М.: Терра.

Булгаков С.Н. (1993в) Религия человекобожия у Л. Фейербаха. Булгаков С.Н. *Соч. в 2-х томах*. М.: Наука. Т. 2: 162–221.

Булгаков С.Н. (1993д) *Философия хозяйства*. Соч. в 2-х томах. М.: Наука, Т. 1.

Вебер М. (1990) Основные социологические понятия. Вебер М. *Избранные произведения*. М., «Прогресс»: 602–643.

Гайденко П.П., Давыдов Ю.Н. (1991) *История и рациональность: Социология М. Вебера и веберовский ренессанс*. М.: Политиздат.

Горелов А.А. (2017) А. С. Хомяков: учение о соборности и русская община. *Знание. Понимание. Умение*, 2: 78–97. DOI: 10.17805/zpu.2017.2.6.

Гулыга А.В. (2003) *Русская идея и ее творцы*. М.: ЭКСМО.

Давыдов Ю.Н. (2008) Апокалипсис атеистической религии (С.Н. Булгаков как критик революционистской религиозности). Булгаков С.Н. *Два града: исследования о природе общественных идеалов*. М.: Астрель: 3–51.

Давыдов Ю.Н. (1998) *Макс Вебер и современная теоретическая социология: актуальные проблемы веберовского социологического учения*. М.: Мартис.

Дюркгейм Э. (1991) *О разделении общественного труда. Метод социологии*. Пер. с франц. А.Б. Гофмана. М.: Наука: 393–532.

Евтухова Е. (2003) О сносах Булгакова (идейный контекст «Философии хозяйства»). А.П. Козырев (ред.) *С.Н. Булгаков: Религиозно-философский путь: междунар. науч. конф., посвящ. 130-летию со дня рождения*. М.: Русский путь: 140–154.

Карасев Д.Ю. (2016) Историческая социология власти Майкла Манна. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 19(4): 5–23.

Кукушкина Е.И. (1997) Личность, право и нравственный идеал (социальная теория П. Новгородцева). *На рубеже веков*, 2: 24–32.

- Кукушкина Е.И. (2015) *Русская интеллигенция в поисках политических смыслов*. М.: Изд-во МГУ.
- Матвеева Н.Ю. (2014) Анализ ценностного содержания социальных идей в творчестве С.Н. Булгакова. *Социологические исследования*, 9: 114–122.
- Матвеева Н.Ю. (2011) *С.Н. Булгаков как социолог. Анализ социальных проблем, идей и процессов*. М.: Инфра-М.
- Матвеева Н.Ю. (2018) *Основы смыслового анализа социальных явлений в концепции С.Л. Франка*. Slavica, XLVII: 117–130.
- Мищенко А.В. (2011) *О соборности как понятии духовном, религиозном и философском*. Вестник МГТУ, 14(2): 319–324.
- Новгородцев П.И. (1991) *Об общественном идеале*. М.: Пресса.
- Сорокин П.А. (2006) *Социальная и культурная динамика*. М.: Астрель.
- Франк С.Л. (1991) *Духовные основы общества. Русское зарубежье*. Л.: Лениздат: 243–433.
- Франк С.Л. (1922) *Очерк методологии общественных наук*. М.: Берг.
- Франк С.Л. (1992) *Религиозно-исторический смысл русской революции. Русская идея*. М.: Республика: 326–340.
- Фулье А. (1906) *Факторы национального характера*. Пер. с франц. Одесса: Кадима.
- Хоружий С.С. (2002) Алексей Хомяков: учение о соборности и церкви. *Богословские труды*, 37: 153–179.
- Элен П. (2015) Что связывает общество в самой глубине? К основному вопросу социальной философии С.Л. Франка. К.М. Антонов (сост.) *Самый выдающийся русский философ: философия религии и политики С.Л. Франка*: сб. науч. ст. М.: Изд-во ПСТГУ: 168–194.
- Bonnell V.E., Hunt L. (ed.) (1999) *Beyond the Cultural Turn: New Directions in the Study of Society and Culture*. Berkeley: Univ. Calif. Press.
- Boobbyer P. (2015) A Russian Version of Christian Realism: Spiritual Wisdom and Politics in the Thought of S. L. Frank (1877–1950). *International History Review*, 38(1): 45–65.
- Dobieszewski J. (2010) Neoplatonic Tendencies in Russian Philosophy. *Studies in East European Thought*, 62(1), Polish Studies in Russian Religious Philosophy, March: 3–10.
- Friedland R., Mohr J. *Matters of Culture: Cultural Sociology in Practice*. N.Y.: Cambridge Univ. Press, 2004.
- Mann M. (1986) *The Sources of Social Power. Vol. I: A History from the Beginning to 1760 AD*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sztompka P. (2007) The Return to Values in Recent Sociological Theory. *Polish Sociological Review*, 159: 247–261.

THE BASIC PRINCIPLES OF THE INTERPRETATION
OF THE MEANINGS OF SOCIAL PHENOMENA
IN THE RUSSIAN SOCIOLOGICAL TRADITION
(S. Bulgakov, P. Novgorodtsev, S. Frank)

Natalia Matveeva
(pmatveyev@yandex.ru)

Russian University of Transport (RUT MIIT), Moscow, Russia

Citation: Matveeva N. (2019) Osnovnyye printsipy interpretatsii smyslov sotsial'nykh yavleniy v russkoy sotsiologicheskoy traditsii (na primere tvorchestva S.N. Bulgakova, P.I. Novgorodtseva, S.L. Franka). [The basic principles of the interpretation of the meanings of social phenomena in the Russian sociological tradition (S. Bulgakov, P. Novgorodtsev, S. Frank)]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 22(3): 7–38 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.3.1>

Abstract. The article analyzes the basic principles of the interpretation of the meanings of social phenomena related to the neo-Kantian and religious-philosophical traditions of Russian sociological thought developed by S.N. Bulgakov, S.L. Frank, P.I. Novgorodtsev. The author reveals both common features and differences in their approaches to social analysis with the approaches of the classics of Western thought — M. Weber and E. Durkheim. According to Russian scholars social phenomena have two sides: the side in which they appear as real events or processes, and the side of the internal idea, sense or meaning. A meaning or an idea acts as a necessary attribute, outside of which a social phenomenon is unthinkable. The meaning side of social phenomena expresses their social essence, while the real-factual side is only an external manifestation of this essence. Thus, this tradition proceeds from the premise that social life is based on objective ideas that are independent of individual psychology and affect the will and consciousness of people in the direction of their implementation in social life. The specificity of social ideas is that they are ideas-forces that act as people's ideals and goals. The concept of the active role of an individual consciously seeking to implement certain ideas is organically included in this concept. Certain methodological principles follow from this interpretation of social life. They are based, on the one hand, on the need to understand the objective ideas underlying social processes, their relationship, the logical relationships between them and the logic of their development. On the other hand, they imply the identification of individual meanings, concentrating around the spiritual center of individual activity where the most important social actions and beliefs of a person are born. The author stresses the importance that the achievements of these representatives of Russian thought have for modern sociology, which focuses on the problems of social meanings, ideas and values, their role in the life of society and the individual.

Keywords: S.L. Frank, S.N. Bulgakov, P.I. Novgorodtsev, the meaning of a social phenomenon, social value, social laws, collegiality.

References

Alexander J. (2011) «Proyekt marksizma» v istorii svoeyego vremeni [“The Project of Marxism” in the history of its time]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 14(3): 24–49 (in Russian).

Alexander J. (2013) *Smysly social'noj zhizni. Kul'tursociologiya* [Senses of Social Life. Cultural sociology], Moscow: Praxis (in Russian).

Berdyayev N.A. (1990) *Smysl istorii* [The Meaning of History], Moscow: Mysl (in Russian).

Bonnell V.E., Hunt L. (ed.) (1999) *Beyond the Cultural Turn: New Directions in the Study of Society and Culture*. Berkeley: Univ. Calif. Press.

Boobbyer P. (2015) A Russian Version of Christian Realism: Spiritual Wisdom and Politics in the Thought of S. L. Frank (1877–1950). *International History Review*, 38(1): 45–65.

Bulgakov S.N. (1993a) Karl Marks kak Religioznyj tip [Karl Marx as a religious type]. In: Bulgakov S.N. *Opus* in 2 vol. Moscow: Nauka, vol. 2: 240–272 (in Russian).

Bulgakov S.N. (1993b) *Osnovnye problemy teorii progressa* [Main problems of the Theory of Progress]. In: Bulgakov S.N. *Opus* in 2 vol. Moscow: Nauka, vol. 2: 46–94 (in Russian).

Bulgakov S.N. (1991) *Pravoslaviye. Ocherki ucheniya pravoslavnoy tserkvi* [Orthodoxy. Essays on the teachings of the Orthodox Church]. Moscow: Terra (in Russian).

Bulgakov S.N. (1993c.) *Religija chelovekobozhija u L. Fejrbaha* [Religion of the Mankind in L. Feuerbach's Works]. In: Bulgakov S.N. *Opus* in 2 vol. Moscow: Nauka, vol. 2: 162–221 (in Russian).

Bulgakov S.N. (1993d.) *Filosofija hozjajstva* [Philosophy of Economy]. In: Bulgakov S.N. *Opus* in 2 vol. Moscow: Nauka, vol. 1 (in Russian).

Davydov Yu. N. (2008) Apokalipsis ateisticheskoy religii (S.N. Bulgakov kak kritik revolyutsionistskoy religioznosti) [Apocalypse of atheistic religion (S.N. Bulgakov as a critic of revolutionary religiosity)]. In: Bulgakov S.N. *Dva grada: issledovaniya o prirode obshchestvennykh idealov* [Bulgakov S.N. Two cities: research on the nature of social ideals]. Moscow: Astrel', pp. 3–51 (in Russian).

Dobieszewski J. (2010) Neoplatonic Tendencies in Russian Philosophy. *Studies in East European Thought*, 62(1), Polish Studies in Russian Religious Philosophy (March): 3–10.

Durkheim E. (1991) Metod sociologii [Method of Sociology]. In: Durkheim E. *On the Division of Social Labor. Method of Sociology*. Moscow: Nauka: 393–532 (in Russian).

Yevtukhova Ye. (2003) O snoskakh Bulgakova (ideynyy kontekst «Filosofii khozyaystva») [On Bulgakov's footnotes (the ideological context of «Philosophy of Economics»)]. In: A.P. Kozyrev (ed.) *S.N. Bulgakov: Religiozno-filosofskiy put': Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya, posvyashchennaya 130-letiyu so dnya rozhdeniya* [S.N. Bulgakov: Religious and philosophical path: International scientific conference dedicated to the 130th birthday]. Moscow: Russkiy put': 140–154. (in Russian).

Gorelov A.A. (2017) A.S. Khomyakov: ucheniye o sobornosti i russkaya obshchina [A.S. Khomyakov: the doctrine of collegiality and the Russian community]. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye* [Knowledge. Understanding. Skill]. 2: 78–97. DOI: 10.17805/zpu.2017.2.6 (in Russian).

Gulyga A.V. (2003) *Russkaya ideya i yeye tvortsy* [Russian idea and its creators]. Moscow: EKSMO (in Russian).

Ehlen P. (2015) Chto svyazyvaet obshchestvo v samoj glubine? K osnovnomu voprosu social'noj filosofii S.L. Franka [What connects a society in its very depths? Toward the principle question of S. Frank's social philosophy]. *Samyj vydayushhijsja russkij filosof: filosofija religii i politiki S.L. Franka* [The most outstanding Russian philosopher: philosophy of religion and politics of Frank]. Collection of scientific articles. Moscow: PSTGU: 168–194 (in Russian).

Fouillée A. (1906) *Faktory nacional'nogo kharaktera* [Factors of national character]. Odessa: Cadima (in Russian).

Frank S.L. (1991) *Duhovnye osnovy obshchestva* [Spiritual Foundations of Society]. *Russkoe zarubezh'e* [Russian Abroad]. Leningrad: Lenizdat: 243–433 (in Russian).

Frank S.L. (1922) *Ocherk metodologii obshchestvennyh nauk* [Essay on the Methodology of Social Sciences]. Moscow: Bereg (in Russian).

Frank S.L. (1992) *Religiozno-istoricheskij smysl russkoj revoljucii* [The Religious-historical Meaning of the Russian Revolution]. In: *Russkaja ideja* [Russian idea]. Moscow: Respublika: 326–340 (in Russian).

Friedland R., Mohr J. (2004) *Matters of Culture: Cultural Sociology in Practice*. New York: Cambridge Univ. Press.

Gaidenko P.P., Davydov Yu. N. (1991) *Istorija i racional'nost': Sociologija M. Vebera i veberovskij renessans* [History and rationality: The sociology of M. Weber and the Weber Renaissance]. Moscow: Politizdat (in Russian).

Karasev D.Yu. (2016) *Istoricheskaja sociologija vlasti Maykla Manna* [Historical sociology of the power of Michael Mann]. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoi Antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 19(4): 5–23 (in Russian).

Khoruzhiy S.S. (2002) *Aleksey Khomyakov: ucheniye o sobornosti i tserkvi* [Alexei Khomyakov: the doctrine of collegiality and the church]. *Bogoslovskie Trudy*, 37: 153–179 (in Russian).

Kukushkina E.I. (1997) *Lichnost', pravo i нравstvennyy ideal (Sotsial'naya teoriya P. Novgorodtseva)* [Personality, Law, and the Ethical Ideal (P. Novgorodtsev's Social Theory)]. *Na rubezhe vekov* [At the Turn of the Century], 2: 24–32 (in Russian).

Kukushkina E.I. (2015) *Russkaja intelligencija v poiskah politicheskikh smyslov* [The Role of Russian Intelligentsia in the Political Life of the Society]. Moscow: Moscow Univ. Press (in Russian).

Matveeva N.Yu. (2014) *Analiz cennostnogo sodержaniya social'nyh idej v tvorchestve S.N. Bulgakova* [Analysis of the value content of social ideas in the work of S.N. Bulgakova]. *Sotsiologicheskiye Issledovaniya* [Sociological Studies], 7 (365): 114–122 (in Russian).

Matveyeva N.Yu. (2011) *S.N. Bulgakov kak sotsiolog. Analiz sotsial'nykh problem, idej i protsessov* [S.N. Bulgakov as a sociologist. Analysis of social problems, ideas and processes]. Moscow: Infra-M (in Russian).

Matveyeva N.Yu. (2018) *Osnovy smyslovogo analiza sotsial'nykh yavleniy v kontseptsii S.L. Franka* [Basics of the semantic analysis of social phenomena in the concept of S.L. Franka]. *Slavica*, XLVII: 117–130 (in Russian).

Mann M. (1986) *The Sources of Social Power, Volume I: A History from the Beginning to 1760 AD*. Cambridge: Cambridge University Press.

Mishchenko A.V. (2011) O sobornosti kak ponyatii dukhovnom, religioznom i filosofskom [On conciliarity as a concept of spiritual, religious and philosophical]. *Vestnik MGTU*, 14(2): 319–324 (in Russian).

Novgorodtsev P.I. (1991) *Ob obshhestvennom ideale* [On the Social Ideal]. Moscow: Pressa (in Russian).

Sztompka P. (2007) The Return to Values in Recent Sociological Theory. *Polish Sociological Review*, 159: 247–261.

Weber M. (1990) Osnovnye sociologicheskie ponjatija [Basic sociological concepts]. In: Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow: Progress: 602–643 (in Russian).